

Функционально-семантический потенциал видо-временных форм в рассказе А. П. Чехова «Крыжовник»

Рахманова Маржона Хусановна,
преподаватель

Навоийский государственный университет
Республика Узбекистан, город Навои,
E-mail: rakhmanovamarjona00@gmail.com

ABSTRACT

В данной статье представлен многоаспектный лингвистический анализ темпорально-аспектного кода рассказа А. П. Чехова «Крыжовник». Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения глагольной системы как сюжетообразующего элемента чеховской прозы. На основе статистических данных выявлена количественная иерархия глагольных форм, обеспечивающие эпическую дистанцию и ретроспективность нарратива. В работе рассматривается функциональная роль видо-временной категории глаголов в создании процессуальности и «внутреннего фокуса» повествования, а также анализируется специфика употребления инфинитивных конструкций. Особое внимание уделено лексико-семантической трансформации глаголов, включая использование историзмов и архаичных оборотов для создания социально-психологического портрета эпохи. Впервые комплексно рассматривается стилистический диссонанс, возникающий при столкновении сенсорно-физиологической лексики с философской интертекстуальностью (цитирование А. С. Пушкина), что интерпретируется как лингвистическое выражение экзистенциального разрыва между реальностью и мечтой

ARTICLE INFO

Received: 7th March 2026

Accepted: 6th April, 2026

KEYWORDS:

темпоральность, видо-временные формы, глагольная семантика, нарратология, идиостиль, концепт времени, ретроспекция, интертекстуальность.

Annotation: This article presents a multi-dimensional linguistic analysis of the temporal-aspectual code in A. P. Chekhov's short story "Gooseberries." The relevance of the study is driven by the need for an in-depth examination of the verbal system as a plot-forming element of Chekhov's prose. Based on statistical data, a quantitative hierarchy of verbal forms has been identified, which provides epic distance and the retrospective nature of the narrative. The paper examines the functional role of the aspectual-temporal category of verbs in creating processuality and the "internal focus" of the storytelling, while also analyzing the specifics of infinitive constructions. Particular attention is paid to the lexico-semantic transformation of verbs, including the use of historicisms and archaic phrases to create a socio-psychological portrait of the era. For the first time, a comprehensive study is made of the stylistic dissonance arising from the collision of sensory-physiological vocabulary with philosophical intertextuality (citing A. S. Pushkin), which is interpreted as a linguistic expression of the existential rift between reality and dreams.

Key words: temporality, aspectual-temporal forms, verbal semantics, narratology, idiostyle, concept of time, retrospection, intertextuality.

Рассказ «Крыжовник», датируемый июлем 1898 года, представляет собой центральную часть «маленькой трилогии» А. П. Чехова, наряду с произведениями «Человек в футляре» и «О любви». Творческая история рассказа восходит к устному преданию, заимствованному у Л. Н. Толстого: сюжету о чиновнике, чья многолетняя аскеза ради приобретения парадного мундира завершилась трагически - герой скончался, так и не успев воспользоваться плодами своей экономии, и был погребен в этом мундире. В процессе работы А. П. Чехов существенно трансформировал первоначальный замысел. Если в ранних редакциях главный герой оставался одиноким, достигал социального статуса лишь к старости и проявлял индифферентность к урожаю крыжовника, то в окончательном тексте автор сместил акценты в сторону сатирического гротеска. Образ героя, одержимого потреблением «своих» ягод, придал повествованию ироническую глубину и подчеркнул тему духовной деградации.

Таблица. 1

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГЛАГОЛОВ (Всего: 432– 100%)				
1. Изъявительное наклонение				
ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ (56,27%)		НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (28,75%)	БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ 5,50%	
СВ	НСВ	НСВ	СВ	НСВ
-89-	-95-	-58-	-15-	-3-
2. Сослагательное наклонение				
-4-				
3. Повелительное наклонение				
-13-				
4. Инфинитив (всего: 31 – 9,48%)				
СВ		НСВ		
-16-		-15-		
Двувидовые глаголы				
-2-				

Наиболее распространенными глагольными формами в рассказе «Крыжовник» являются формы (СВ) прошедшего времени с суффиксом -л-. В процентном соотношении ко всем другим имеющимся глагольным формам - 56,27%. Второе место по распространенности занимают формы НСВ настоящего времени - 28,75%. Небольшая доля в рассказе принадлежит глаголам инфинитивам – 9,48%. Еще меньший процент формам будущего времени - 5,50%. Формы сослагательного наклонения встречаются в тексте крайне редко (0,05 %). В целом, формы прошедшего времени составляют в количественном отношении больше половины из всего многообразия глагольных форм, что закономерно проистекает из самой природы жанра.

Видовая форма НСВ способна расширять границы действия, придавая ему незавершенный и процессуальный характер¹.

Глаголы НСВ в прошедшем времени способствуют переходу от внешнего описания событий к передаче субъективного восприятия, усиливая эмоциональную вовлечённость за счёт снижения темпа и усиления эффекта наблюдения «изнутри»²

¹ Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. испр. и доп ...- Москва, 2010. - 479 с. - <https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>

² Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 624 с.

Согласно концепции Н.Д. Арутюнова, НСВ акцентирует не результат действия, а его течение, что приближает повествование к внутреннему монологу³.

Опираясь на теоретические выводы М.Н. Кожина, «для художественного повествования или описания характерна постепенность в передаче события, действия, движения, состояния, мысли, чувства как осуществляющихся во времени, как бы «дробность» изображения и отсюда - эстетически обусловленная последовательность глаголов»⁴.

В идиостиле А. П. Чехова использование глагольной лексики с архаической семантикой или устаревшими словообразовательными моделями служит средством речевой характеристики персонажа и воссоздания социально-бытового колорита эпохи. Глаголы-архаизмы актуализируют временную дистанцию и подчеркивают преемственность или разрыв культурных традиций.

Таблица. 1.2

Примеры из текста	Значение глаголов
После его смерти именишко у нас оттягали за долги	Забрать что-либо через суд, тяжбы или длительные споры.
Минуло ему уже сорок лет	Исполнилось сорок лет
Мой брат тосковал в казенной палате	испытывать скуку, душевную томность или печаль
Драли лыко, ловили рыбу, и прочее тому подобное	Снимать (сдирать) с липы или других лиственных деревьев полоски молодого подкорья (луб).

Глагол «тосковать» в анализируемом контексте сохраняет свою актуальную семантическую нагрузку. В современном русском языке лексема эксплицирует состояние душевного томления, меланхолии или скуки (например: «тосковать по дому», «тосковать в одиночестве»). С точки зрения лексикографии, значение слова остается стабильным, однако его прагматика существенно трансформируется в зависимости от пространственно-временного континуума, в котором находится субъект.

Особый научный интерес представляет денотат места действия - «казенная палата». В данном случае мы сталкиваемся с историческим архаизмом (историзмом).

Сочетание глагола «тосковать» с локативом «казенная палата» формирует устойчивый литературный образ «канцелярской тоски» - экзистенциального кризиса мелкого чиновника в условиях жесткой государственной машины.

В нарративной структуре рассказа «Крыжовник» выявляется амбивалентность глагольной семантики, обусловленная их метафоризацией. Подобная функционально-семантическая реализация глагольных лексем создает интерпретационную многозначность, требующую от читателя герменевтического анализа для верификации авторских интенций.

Таблица 1.3

Примеры из текста	Значение глаголов
1. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука.	Он представлял у себя в голове
2. И всё копил и клат в банк.	Вложил деньги в банк

³ Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: «Индрик», 2002. - С. 3 18.

⁴ Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. М., 2003. - 224 с.

3.	Уж коли задался человек идеями , то ничего не поделаешь.	Целенаправленно и неотступно посвятил себя достижению какой-либо мысли или мечты.
4.	Стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу.	Ее состояние стало постепенно ухудшаться
5.	Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом,	глагол «съел» свои деньги употреблено в значении «потратил»
6.	— Это вы уж из другой оперы , — сказал Буркин	не имеет связи с обсуждаемой темой
7.	Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досажую, по ночам у меня горит голова от наплыва мыслей, и я не могу спать	Ощущение сильного внутреннего жара, тяжести или боли, вызванное мучительными раздумьями.
8.	Дождь стучал в окна всю ночь	Дождь капал в окно издавая звук похожий на стук в окно.
9.	Умно ли, справедливо ли было то, что только что говорил Иван Иванович, он не вникал ;	Не понимал, не вдумывался в глубокий смысл сказанного.
10.	Алехин простился и ушел к себе вниз, а гости остались наверху	Соблюдение этикетной формы расставания перед уходом, (попрощался).
11.	Алехину сильно хотелось спать; он встал по хозяйству рано, в третьем часу утра, и теперь у него слипались глаза	Состояние, при котором веки закрываются произвольно из-за сильного утомления.
12.	— Павел Константиныч, — проговорил он умоляющим голосом, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя!	это антоним «футлярности». Это требование оставаться в состоянии «духовной бессонницы».
13.	Им обоим отвели на ночь большую комнату	Им подготовили комнаты для ночевки.
14.	Еще с раннего утра всё небо обложили дождевые тучи	Покрывать, окутать сплошной массой.
15.	И не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь	Разместить, оставить на время в подходящем месте.

Введение пушкинской интертекстемы в нарративную ткань рассказа служит средством аксиологической маркировки текста. Цитирование классика создает стилистический контраст между сенсорной лексикой и высокой абстрактной семантикой, переводя частный эпизод дегустации ягод в план универсальных философских категорий:

- *«Было жестко и кисло, но, как сказал Пушкин, «тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман».*

А. П. Чехов целенаправленно выстраивает стилистический диссонанс, сталкивая в рамках одного контекста лексику сенсорно-физиологического уровня («было жестко и кисло») и высокий литературный регистр (цитирование А. С. Пушкина). Подобная конвергенция разнородных языковых пластов служит лингвистическим репрезентантом центрального конфликта произведения - несовпадения эмпирической реальности и идеализированной ментальной модели (мечты). Таким

образом, антиномия «низкого» быта и «высокой» поэзии объективирует экзистенциальный разрыв между "возвышающим обманом" и подлинным положением вещей.

Вывод: Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что глагольная система рассказа А. П. Чехова «Крыжовник» представляет собой не просто грамматический каркас, а сложный лингвофилософский механизм, объективирующий трагедию человеческого существования.

Статистическая доминанта прошедшего времени (56,27%) подтверждает ретроспективную природу нарратива, создавая эффект завершенности и фатальности жизненного пути героев. В то же время, активное использование глаголов несовершенного вида (НСВ) в настоящем времени (28,75%) позволяет автору мастерски реализовать «внутренний фокус», погружая читателя в вязкую, процессуальную среду духовного застоя. Это лингвистическое решение становится прямым отражением концепции «футлярности»: время в рассказе словно закликивается, лишая персонажей вектора будущего.

Особого внимания заслуживает то, как писатель виртуозно использует глаголы в переносном значении, которые значительно обогащают семантическую палитру рассказа. В выявленных примерах (Таблица 1.3) мы видим, как простые действия трансформируются в глубокие психологические маркеры:

1. Глагол «съел» применительно к деньгам подчеркивает абсурдную, почти физиологическую одержимость героя материальным;
2. Метафора «горит голова» эксплицирует мучительный наплыв мыслей, переводя интеллектуальный процесс в план физической боли;
3. Глагол «усыплять» в контексте «духовной бессонницы» становится антонимом активной совести, обличая добровольный отказ человека от живой жизни.

Такая амбивалентность глагольной семантики требует от читателя герменевтического усилия, превращая чтение в процесс расшифровки авторских интенций.

Включение в текст глаголов-архаизмов и историзмов («оттягали», «минуло», «драли лыко») выполняет не только декоративную функцию. Эти формы создают достоверный социально-психологический портрет эпохи, подчеркивая временную дистанцию и преемственность (или разрыв) культурных традиций.

Глагол в «Крыжовнике» выступает как маркер «духовной температуры» персонажа. Тонкая работа Чехова со словом - от выбора видо-временной формы до использования глубоких метафор и архаичных оборотов - позволяет автору перевести частную историю о покупке усадьбы в плоскость универсальных размышлений о подлинности человеческого бытия. Исследование подтверждает: лингвистический код рассказа является ключом к пониманию призыва Чехова к «духовной бессоннице» и активному созиданию добра.

Список Использованной Литературы:

1. Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: «Индрик», 2002. - С. 3-18.
2. Жумаева Ф.Р., Хакимова Н.Х. Использование разных видов текстов в качестве дидактического материала на уроках русского языка. – Журнал “Europeanscience”, 2020. Номер 3(52). С. 57-59. <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-raznyh-vidov-tekstov-vkachestve-didakticheskogo-materiala-na-urokah-russkogo-yazyka>
3. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. М., 2003. - 224 с.
4. Маржона Рахманова. Семантика категории вида русского глагола и его значение (на примере рассказов А.П.Чехова) <https://inlibrary.uz/index.php/traditions-innovations-language/article/view/26412?ysclid=mmu95d935846684403>
5. Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 624 с
6. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. испр. и доп ...- Москва, 2010. - 479 с. <https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>

7. <https://ilibrary.ru/text/460/p.1/index.html?ysclid=mmsuaqe89o472086034>